

*Р. НУРЕЕВ,
доктор экономических наук,
ординарный профессор ГУ–ВШЭ,
заведующий кафедрой «Национальной экономики»
РЭА им. Г.В. Плеханова*

ТОРСТЕЙН ВЕБЛЕН: ВЗГЛЯД ИЗ XXI ВЕКА

Институциональная теория возникла и развивалась как оппозиционное учение сначала по отношению к политической экономии, а потом к «экономикс». Неслучайно американский экономист Б. Селигмен охарактеризовал старый институционализм как бунт против формализма¹. «Бунт» — потому что институционалисты пытались выдвинуть альтернативную основному учению концепцию, «против формализма» — потому что они стремились отразить в экономической теории не только формальные модели и строгие логические схемы, но и живую жизнь во всем ее многообразии. В этом бунте они были не одиноки: еще в XIX в. представители исторической школы пытались выступать против излишне абстрактного теоретизирования представителей английской и французской классической политической экономии.

Между эмпиризмом историков и таксономизмом теоретиков

Сформировавшись на американской почве, институционализм избрал в себя многие идеи немецкой исторической школы, английских фабианцев, французской социологической традиции; нельзя отрицать и влияние марксизма. Старый институционализм возник в конце XIX в. и оформился как течение в 1920—1930 годах. Он пытался занять «среднюю линию» между эмпиризмом историков и таксономизмом теоретиков, между немецкой исторической школой, с одной стороны, и австрийской школой предельной полезности — с другой.

Основоположителем институционального направления в экономической науке по праву считается американский экономист и социолог, публицист и футуролог *Торстейн Бунде Веблен (1857—1929)*². Всю свою жизнь он создавал новую науку — науку об экономических

---

¹ Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. М.: Прогресс, 1968. Ч. 1.

² После окончания Карлтонского колледжа и недолгого обучения в Университете Гопкинса он поступил в Йельский университет, где написал докторскую диссертацию «Этические основания учения о воздаянии» (1884). Позднее он преподавал в Корнельском (1890—1892), Чикагском (1892—1906), Стэнфордском (1906—1909) университетах и в университете штата Миссури (1910—1917).

институтах. Существовавшие в конце XIX в. направления в экономической теории не отражали эволюцию экономических явлений и процессов. Бурное развитие рыночной экономики, сопровождавшееся возникновением картелей и трестов, становлением и разрушением экономических империй, усилением сфер влияния и разделом мира, почти не замечалось высокой теорией, в центре внимания которой на рубеже веков оказалась доктрина предельной полезности. Наиболее глубокие экономисты-классики, по словам Веблена, слишком увлеклись классификацией и систематизацией уже накопленного экономического материала. «Какую работу таксономического характера можно проделать в области экономической науки, — писал Веблен, — наилучшим образом демонстрируют труды Кернса, в которых метод тщательно продуман, а результаты хорошо сформулированы и эффективно применены. ...После Кернса... экономическая наука почти превращается в таксономию ради таксономии»³.

Однако когда структура экономической науки выступила во всей своей законченности и цельности, симметрии и неизбежности, «сами экономисты, начиная с Кернса, стали все более тяготиться этой неизменностью и прикладывали немало усилий к тому, чтобы придать системе динамизм... Позднее ученые австрийской школы выступили с теорией процесса, но к настоящему времени зашли в полный тупик, поскольку процесс, которым они решили заняться, не является, в соответствии с их собственным пониманием, кумулятивной или разворачивающейся последовательностью»⁴.

Причину их неудачи Т. Веблен видит не только в сужении поля исследования (сведения его, главным образом, к сфере обмена, к тому же трактуемой достаточно узко, с гедонистических позиций), но и в ограниченном понимании природы человека, рассматриваемого лишь с экономической точки зрения, вне широкого гуманитарного контекста⁵. *Критика «экономического человека» фактически была критикой основы основ тогдашней экономической науки.*

Нельзя, однако, сказать, что происходившие в конце XIX в. изменения никем не были замечены. Наиболее преуспели в этом представители немецкой исторической школы, однако их работы страдали чрезмерным эмпиризмом⁶.

³ Веблен Т. Почему экономическая наука не является эволюционной дисциплиной? // Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса. М.: ГУ—ВШЭ, 2006. С. 21.

⁴ Там же. С. 22.

⁵ «Причина этой неудачи австрийской школы, по-видимому, заключается в ложной концепции человеческой природы — ложной с точки зрения данной цели, однако, возможно, вполне адекватной другим задачам. Во всех имеющихся формулировках экономической теории, разработанных как английскими экономистами, так и учеными континентальной Европы, человек рассматривается с позиций гедонизма; иными словами, он представляется как пассивная и инертная, а также неизменная в своей данности человеческая сущность» (Веблен Т. Указ. соч. С. 25).

⁶ «Экономисты классического направления не совершили никаких серьезных попыток расстаться с таксономическим подходом и привести в свою науку генетический подход к описанию жизни... Это в большой степени верно и в отношении исторической школы. Представители последней пытались рассматривать процесс развития, но при этом тяготели скорее к додарвинистской линии рассуждений, чем к той, которую современная наука сочла бы эволюционной. Их исследования имели описательный характер и не были генетическим анализом разворачивающегося процесса. В своей работе они, несомненно, добились результатов, имеющих непреходящую ценность; но достигнутые результаты вряд ли можно квалифицировать как экономическую теорию» (Веблен Т. Указ. соч. С. 24).

Пытаясь ответить на вопрос «Почему экономическая наука не является эволюционной дисциплиной?» (1898), Веблен вместо узко экономического предлагает междисциплинарный подход, который включал бы социальную философию, антропологию и психологию. Это было попыткой повернуть экономическую теорию к социальным проблемам. Мостиком, который бы позволил это сделать, Веблен считал институты. Он писал: «Экономический интерес сопровождает всю жизнь человека; будучи частью жизненного пути, он пронизывает и процесс культурного развития. Он повсеместно воздействует на культуру, так что можно утверждать, что все институты в некоторой степени являются экономическими»⁷.

В 1909 г. в «Журнале политической экономии» была опубликована статья Веблена «Ограниченность теории предельной полезности»⁸, где дана развернутая критика этой теории. Веблен считает, что доктрина предельной полезности не объясняет всего многообразия социальной жизни. С его точки зрения, она придает первостепенное значение таким вопросам, которые в реальной жизни стали играть заметную роль лишь в самые последние годы. «В рамках этой ограниченной области теория предельной полезности, — пишет он, — носит совершенно статический характер. В ней никак не учитывается движение, а рассматривается лишь приспособление ценностей к той или иной ситуации»⁹. Поскольку она абстрагируется от научно-технического прогресса, то не может быть инструментом познания и описания развития цивилизации.

В качестве отправной точки, считает Веблен, теория предельной полезности принимает «традиционную психологию гедонистов начала XIX в., которая расценивается как нечто само собой разумеющееся, общеизвестное и воспринимается весьма некритически»¹⁰. К этому недостатку добавляется «догмат гедонистического расчета», уподобляющий человека хотя бы калькулятору, постоянно сравнивающему предельные выгоды с предельными издержками. Поэтому поведение людей учитывается лишь в той мере, в какой оно рационально. Между тем сама эта рациональность исторически развивается и является продуктом культуры. Более того, Веблен считает, что институциональная среда, в которой действуют индивиды, консервативна и постоянно отстает от развития техники.

«Как и вся человеческая культура, — пишет он, — материальная цивилизация представляет собой систему институтов — институциональную структуру (fabric) и институциональный рост (growth). Но институты суть результат привычки. Развитие культуры — это кумулятивная последовательность формирования привычек...»¹¹. Эти привычки складываются в обществе в ходе контакта людей. Они одновременно и предопределены этим обществом, и являются следствием деятельности каждого из индивидов. Налицо диалектика общего и единичного. Общее является следствием единичного и его

⁷ Веблен Т. Указ. соч. С. 28.

⁸ Русский перевод данной статьи впервые публикуется в этом номере журнала. С. 86–98.

⁹ С. 86.

¹⁰ С. 88.

¹¹ С. 92.

предпосылкой. И наоборот. Одно является условием другого, и каждое переходит друг в друга. Индивиды, выполняя (или нарушая) правила, постепенно приходят к их модификации и развитию.

Однако от всего этого теория предельной полезности абстрагируется, ограничивая свое внимание лишь аспектами рационального экономического поведения. Более того, в современном Веблену общество такое рациональное поведение сведено по большей части к денежным отношениям. «Денежные институты порождают денежные стереотипы мышления, которые модифицируют оценки в сферах, лежащих за пределами денежных отношений, и потому приводят к дискриминации личности. Но в гедонистической трактовке, — подчеркивает Веблен, — подобные денежные стереотипы не влияют на дискриминацию людей даже в рамках денежных отношений»¹².

Не бесспорным является и сведение денежных отношений к общим гедонистическим основаниям. Во всяком случае с психологической точки зрения такое преобразование, как считает Веблен, является заблуждением. «Но возражать следует прежде всего против более отдаленных последствий данного преобразования. Совершая его, ученые абстрагируются от всего, что не вписывается в их терминологию...»¹³. Коммерсанты стремятся накопить богатство, но законы этого накопления, как полагает Веблен, не согласуются с гедонистическими предпосылками теории.

Теория «праздного класса» — американской социальной элиты

Основным мотивом творчества раннего Веблена является критика «новых американцев» — современной ему американской социальной элиты. Бурный рост американского капитализма в конце XIX в. создает предпосылки для стремительной концентрации производства и капитала. В этих условиях демонстративное потребление богатых американцев становится притчей во языцех. Именно его Веблен и делает предметом своего анализа.

В 1899 г. выходит книга Веблена «Теория праздного класса. Экономическое изучение институтов». Вдохновленный идеями социал-дарвинизма, Веблен делает предметом своего анализа естественный отбор институтов. Институт праздного класса возникает в процветающей Америке. Веблен изучает этот институт, как современные ему антропологи изучали обычаи африканских племен, подробно исследуя демонстративную праздность и демонстративное поведение, показывая, как формируется денежный уровень жизни и денежные каноны вкуса. Высшей доблестью человека становится не производительный труд, а управление, военное дело, религия, спорт и развлечения.

Вслед за Л. Морганом Веблен выделяет стадии дикости, варварства и цивилизации. В условиях «ранней и поздней дикости» еще не

---

¹² С. 95.

¹³ С. 96.

существовало глубокой поляризацией общества. Институт праздного класса зарождается в эпоху «воинственного варварства» и получает свое наивысшее развитие на поздней стадии существования варварской культуры. Когда развивается «хищнический уклад жизни», возникает фундаментальный *антагонизм между производительным трудом*, статус которого постепенно понижается, и *непроизводительным трудом*, досугом и праздностью, которые получают более высокую оценку. На первых порах (в варварском обществе) такое различие носит и гендерный характер: производительным трудом занимаются в основном женщины, праздность становится уделом мужчин.

Слово «праздный (leisure)» не означает у Веблена лень или неподвижность. Оно характеризует прежде всего непроизводительное потребление времени. «Время потребляется непроизводительно, во-первых, вследствие представления о недостойности производительной работы и, во-вторых, как свидетельство возможности в денежном отношении позволить себе жизнь в безделье»¹⁴. Следует подчеркнуть, что праздность трактуется Вебленом довольно широко, поскольку включает и управление, и военное дело, и отправление религиозного культа, и образование, и тому подобные «непроизводительные» функции. Более того, появляется даже демонстративная, «подставная праздность» — праздность обслуживающего богатых персонала (слуги и т. д.).

Становление праздного класса Веблен связывает с появлением частной собственности, обострением соперничества и конкуренции между людьми. Собственность является трофеем в борьбе, знаком победы над врагом. В этих условиях демонстративным становится и потребление. Оно отнюдь не укладывается в маргиналистские представления о полезности. Потребление становится способом демонстрации факта обладания богатством. Развивается целый ритуал потребления, который навязывает свои стереотипы, формирует чувство долга и чувство прекрасного, влияет на представление о полезности, «благочестивой или ритуальной уместности» и даже на представление о научной истине¹⁵.

Объектом пристального внимания Веблена становятся даже домашние животные и одежда. Кошки при этом оказываются «наименее почетными» животными, собаки и скаковые лошади — более почетными¹⁶. Веблен не оставляет без внимания и женскую красоту в качестве индикатора денежных канонов вкуса, показывая, как демонстративная праздность модифицирует своеобразное представление о красоте женщин. Фактически *Веблен является одним из создателей социологической теории потребления*, с точки зрения которой вещи не только являются объектами удовлетворения естественных потребностей человека, но и демонстрируют принадлежность к определенному общественному классу.

Веблен считает, что институт праздного класса является частным проявлением «законов хищничества и паразитизма» и сдерживает развитие общества в силу инерции, демонстративного расточительства и системы неравного распределения благосостояния. Это позволяет

¹⁴ Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. С. 89.

¹⁵ См. там же. С. 144.

¹⁶ Там же. С. 163–167.

ему выйти на более широкие обобщения. «Социальные институты, — пишет Веблен, — не только сами есть результат процесса отбора и приспособления, формирующего преобладающие или господствовавшие типы отношения и духовную позицию; они в то же время являются особыми способами существования общества, которое образует особую систему общественных отношений и, следовательно, в свою очередь выступают действенным фактором отбора»¹⁷.

В отличие от ортодоксальных экономистов, в центре внимания которых находится только настоящее, уже сложившаяся рыночная экономика, Веблена интересует процесс развития цивилизации в целом, ее прошлое, настоящее и будущее. Это развитие общества он, разумеется, связывает с развитием институтов. «Развитие институтов, — пишет Веблен, — есть развитие общества. Институты — это, по сути дела, распространенный образ мысли в том, что касается отдельных отношений между обществом и личностью и отдельных выполняемых ими функций...»¹⁸. Институты в этой системе координат — это «привычный образ мысли, руководствуясь которым живут люди». Они результат процессов, происходящих в прошлом, и более приспособлены к обстоятельствам прошлого, чем к настоящему. Поэтому они хронически консервативны и «не совсем подходят к сегодняшней ситуации»¹⁹.

«Теория праздного класса» появилась в нужное время и в нужном месте. Она принесла автору заслуженную популярность и уже в первое десятилетие XX в. выдержала 4 издания. Под влиянием работ Веблена в 1918 г. появляется и само понятие «институционализм». Его вводит У. Гамильтон, определявший институт как «распространенный способ мышления или действия, запечатленный в привычках групп и в обычаях народа»²⁰.

Анализ дихотомии индустрии и бизнеса

Как уже говорилось, институты, по Веблену, хронически консервативны. Развитие связывается с изменениями техники. В книге «Теория делового предприятия» (1904) Т. Веблен анализирует дихотомию индустрии и бизнеса, рациональности и иррациональности²¹. Он противопоставляет поведение, обусловленное действительным знанием, поведению, обусловленному привычками мышления, рассматривая первое как источник изменений и прогресса, а второе — как фактор, который противодействует ему.

Технология и поведение, обусловленные действительным знанием, улучшают благосостояние людей, развивают их положительные стимулы и склонности. Носителями этих прогрессивных черт, по мнению Веблена, являются инженеры. Именно технократы обладают необходи-

---

¹⁷ Веблен Т. Теория праздного класса. С. 200.

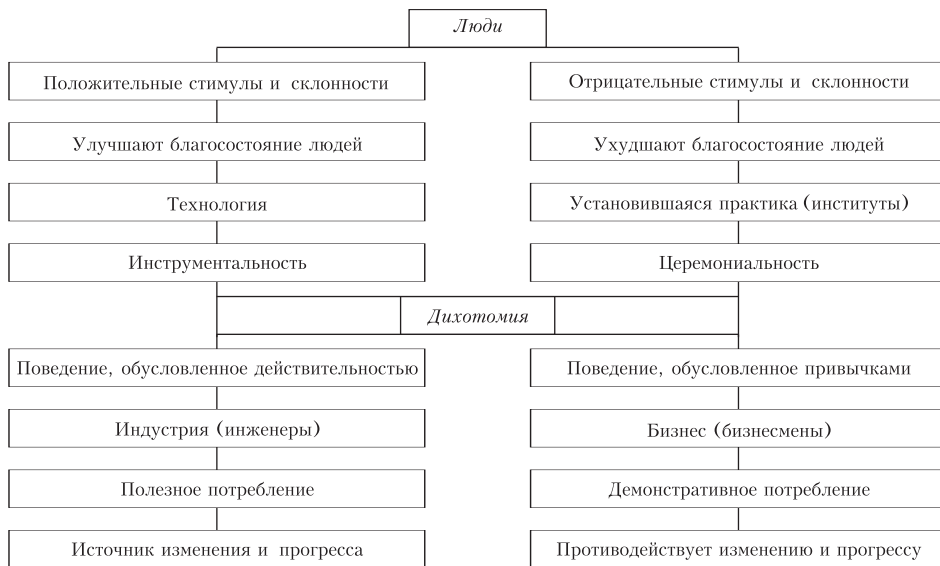
¹⁸ Там же. С. 201.

¹⁹ Там же. С. 202.

²⁰ См.: *Hamilton W.* Institution: Encyclopedia of the Social Sciences. N.Y., 1932. Vol. VIII. P. 84.

²¹ Веблен Т. Теория делового предприятия. М.: Дело, 2007.

Дихотомия Веблена

Источник: Литвинцева Г. П. Введение в институциональную экономическую теорию. Новосибирск, 1999. С. 19.

Рис. 1

мыми и достаточными знаниями, навыками и умениями, без которых невозможно приводить институциональные формы в соответствие с новейшими технологическими изменениями. Наоборот, поведение, обусловленное привычками мышления, установившаяся практика (институты) развивают демонстративное потребление и снижают благосостояние людей. Закрепляя отрицательные стимулы и склонности, они противодействуют изменениям и прогрессу (см. рис. 1).

В работах, написанных в годы Первой мировой войны и после нее — «Инстинкт мастерства и состояние промышленных умений» (1914), «Место науки в современной цивилизации» (1919), «Инженеры и система цен» (1921), — рассматриваются важные проблемы научно-технического прогресса и показывается роль инженеров-менеджеров в создании рациональной промышленной системы. Именно с ними Веблен связывает будущее капитализма. Под его влиянием появились *технократические концепции* и труды, посвященные «революции управляющих». Современная концепция постиндустриального общества также уходит корнями в работы Веблена начала XX в.

Важно подчеркнуть еще одну особенность его работ. Если в центре внимания ортодоксальных экономистов находится индивидуум, производным от которого является общество, то для Веблена общество не сводится к механической совокупности индивидов. Благодаря институтам удается показать взаимосвязь поколений, преемственность развития цивилизации. Поэтому если ортодоксальные экономисты исходят из методологического индивидуализма, то американские институционалисты во главе с Вебленом могут быть отнесены скорее к представителям методологического коллективизма (при всей условности такого противопоставления).

Подведем предварительные итоги. Для институционализма Веблена характерно критическое отношение к основному направлению экономической мысли. Он отрицает методологический индивидуализм, рассматривая диалектику общего и единичного, показывая взаимосвязь индивида и общности. Отсюда вытекает критика статического рассмотрения экономики. Экономика воспринимается не как застывшая система, а как эволюционная, управляемая процессами, которые Веблен назвал «кумулятивной причинностью». Ее суть заключается в том, что экономическое развитие рассматривается как результат взаимодействия различных экономических факторов (прежде всего, изменений технологии, роста населения и т. д.), усиливающих друг друга. Экономические субъекты рассматриваются как живые личности, следующие привычкам, унаследованным из прошлого. Такому более реалистичному подходу суждено было жить в веках.

Развитие классической традиции: неоклассика и неоинституционализм

Хотя институционализм как особое течение сложился еще в начале XX в., долгое время он находился на периферии экономической мысли. Объяснение движения экономических благ лишь институциональными факторами не находило большого числа сторонников. Отчасти это было связано с неопределенностью самого понятия «институт», под которым одни исследователи понимали главным образом обычаи, другие — профсоюзы, третьи — государство, четвертые — корпорации и т. д., а отчасти с тем, что институционалисты пытались в экономике использовать методы других общественных наук — права, социологии, политологии и др. В результате они потеряли возможность говорить на едином языке экономической науки, каким считался язык графиков и формул. Были, конечно, и другие объективные причины, по которым данное течение оказалось невостребованным современниками.

Ситуация, однако, коренным образом изменилась в 1960—1970-е годы. Чтобы понять почему, достаточно провести хотя бы беглое сравнение «старого» и «нового» институционализма. Между «старыми» институционалистами (Вебленом, У. Митчеллом, Дж. Коммонсом, Дж. К. Гэлбрейтом) и неоинституционалистами (Р. Коузом, О. Уильямсоном, Д. Нортон или Дж. Бьюкененом) есть по крайней мере три коренных различия.

Во-первых, «старые» институционалисты (например, Дж. Коммонс в «Правовых основаниях капитализма») шли к экономике от права и политики, пытаясь изучать проблемы современной экономической теории методами других наук об обществе; неоинституционалисты идут прямо противоположным путем — изучают политические и правовые проблемы методами неоклассической экономической теории и прежде всего с применением аппарата современной микроэкономики и теории игр.

Во-вторых, традиционный институционализм основывался главным образом на индуктивном методе, стремился идти от частных случаев к обобщениям, в результате чего общая институциональная

теория так и не сложилась; неoinституционализм идет дедуктивным путем — от общих принципов неоклассической экономической теории к объяснению конкретных явлений общественной жизни.

В-третьих, «старый» институционализм, как течение радикальной экономической мысли, обращал особое внимание на действия коллективов (главным образом, профсоюзов и правительства) по защите интересов индивида; неoinституционализм же ставит во главу угла независимого индивида, который по своей воле и в соответствии со своими интересами решает, членом каких коллективов ему выгоднее быть.

В последние десятилетия вновь наблюдается рост интереса к институциональным исследованиям. Отчасти это связано с попыткой преодолеть ограниченность ряда предпосылок, характерных для «экономикс» (аксиомы полной рациональности, абсолютной информированности, совершенной конкуренции, установления равновесия лишь посредством ценового механизма и др.), и рассмотреть современные экономические, социальные и политические процессы более комплексно и всесторонне; отчасти — с попыткой проанализировать явления, возникшие в эпоху НТР, применение к которым традиционных методов исследования пока не дает желаемого результата.

Общим для всех неoinституционалистов является то, что, во-первых, социальные институты имеют значение и, во-вторых, что они поддаются анализу с помощью стандартных инструментов микроэкономики. В 1960—1970-е годы возникло движение, названное Г. Беккером «экономическим империализмом». Именно в этот период экономические понятия (максимизация, равновесие, эффективность и др.) стали активно применяться в таких смежных с экономикой областях, как образование, семейные отношения, здравоохранение, преступность, политика и др. Это привело к тому, что базовые экономические категории неоклассики получили более глубокую интерпретацию и более широкое применение.

Сторонники неoinституциональной теории рассматривают любую сферу общественной жизни по аналогии с товарным рынком. Государство, например, при таком подходе — это арена конкуренции людей за влияние на принятие решений, за доступ к распределению ресурсов, за места в иерархической лестнице. Однако государство — рынок особого рода. Его участники имеют необычные права собственности: избиратели могут выбирать представителей в высшие органы государства, депутаты — принимать законы, чиновники — следить за их исполнением. Избиратели и политики трактуются как индивиды, обменивающиеся голосами и предвыборными обещаниями²².

Важно подчеркнуть, что неoinституционалисты более реалистично оценивают особенности этого обмена, учитывая, что людям присуща ограниченная рациональность, а принятие решений связано с риском и неопределенностью. К тому же далеко не всегда приходится принимать наилучшие решения. Поэтому неoinституционалисты сравнивают издержки принятия решений не с ситуацией, считающейся образцовой

²² Подробнее см.: Нуреев Р. М. Теория общественного выбора. М.: ГУ–ВШЭ, 2005.

в микроэкономике (совершенная конкуренция), а с теми реальными альтернативами, которые существуют на практике.

Такой подход может быть дополнен анализом коллективного действия²³, который предполагает рассмотрение явлений и процессов с точки зрения взаимодействия не одного индивида, а целой группы лиц. Люди могут быть объединены в группы по социальному или имущественному признаку, религиозной или партийной принадлежности²⁴.

При этом неинституционалисты могут даже несколько отойти от принципа методологического индивидуализма, рассматривая группу как конечный, неделимый объект анализа со своей функцией полезности, ограничениями и т. д. Однако более рациональным кажется подход к рассмотрению группы как объединения нескольких индивидов со своими собственными функциями полезности и интересами²⁵.

Функционирование социального или политического механизма, с данной точки зрения, рассматривается как процесс столкновения интересов групп, что стало предметом специального анализа Р. Хардина²⁶. Реализация конкретных групповых интересов и будет результатом достижения согласия в рамках совместной деятельности. При таком подходе можно использовать коллективные действия для достижения межгруппового согласия с целью извлечения дополнительных выгод. Это позволяет охарактеризовать рациональность индивида более гибко, чем в традиционной неоклассике.

Перечисленные выше различия некоторые неинституционалисты (Р. Коуз, О. Уильямсон и др.) характеризуют как подлинную революцию в экономической теории. Не приуменьшая их вклада в развитие экономической теории, другие экономисты (например, Р. Познер) считают, однако, их работы дальнейшим развитием основного течения экономической мысли. И действительно, сейчас все труднее и труднее представить мейнстрим без этих работ. Они все полнее и полнее входят в современные учебники по «экономикс». Однако не все направления в равной мере. Чтобы убедиться в этом, достаточно подробнее познакомиться со структурой современной институциональной теории (см. рис. 2).

Единая классификация институциональных теорий до сих пор так и не сложилась. Прежде всего, до сих пор сохраняется дуализм «старого» институционализма и неинституциональных теорий. Оба направления современного институционализма сформировались либо на основе неоклассической теории, либо под существенным ее влиянием. Так, неинституционализм развивался, расширяя и дополняя

---

²³ Обобщающей работой является книга: *Stevens J. The Economics of Collective Choice.* Boulder, San Francisco: Westview Press, 1993.

²⁴ Общие черты и различия, существующие между основными подходами, подробно анализируются в: *Reisman D. Theories of Collective Action: Dowel, Olson and Hirsch.* N.Y.: St Martin's Press, 1990.

²⁵ Подробнее см.: *Олсон М. Логика коллективных действий: Общественные блага и теория групп.* М.: Фонд экономической инициативы, 1995; *Олсон М. Возвышение и упадок народов: Экономический рост, стагфляция, социальный склероз.* Новосибирск: Экор, 1998; *Olson M. Power and Prosperity: Outgrowing Communist and Capitalist Dictatorship.* N.Y.: Basic Books, 2000.

²⁶ *Hardin R. Collective Action.* Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1991; *Hardin R. One for All. The Logic of Group Conflict.* Princeton: Princeton University Press, 1995.

Классификация институциональных концепций

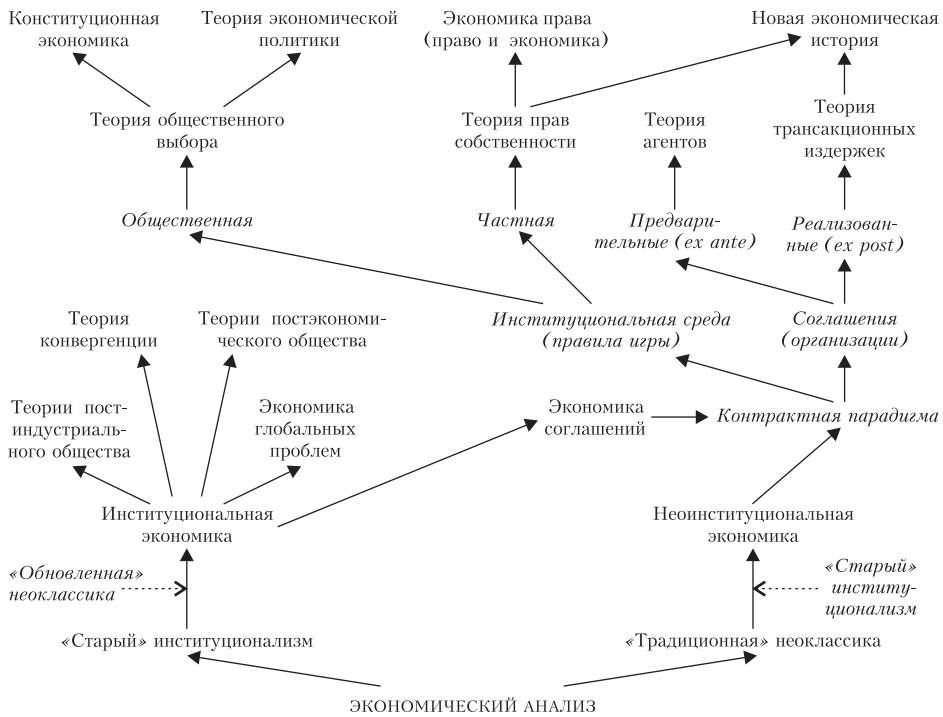

Рис. 2

магистральное направление экономической науки. Любые отношения между людьми здесь рассматриваются сквозь призму взаимовыгодного обмена. Такой подход со времен Дж. Коммонса называют контрактной (договорной) парадигмой²⁷.

Если в рамках неоинституциональной экономики институциональный подход лишь расширил и модифицировал традиционную неоклассику, оставаясь в ее пределах и снимая лишь некоторые наиболее нереалистические предпосылки, о которых говорилось выше, то второе направление (институциональная экономика) в гораздо большей степени опиралось на «старый» институционализм (нередко весьма «левого» толка)²⁸.

Если первое направление в конечном счете укрепляет и расширяет неоклассическую парадигму, подчиняя ей все новые и новые сферы исследования (семейных отношений, этики, политической жизни, межрасовых отношений, преступности, исторического развития общества и др.), то второе направление приходит к полному отрицанию неоклассики, рождая институциональную экономику²⁹, оппозиционную

²⁷ См.: *Бьюкенен Дж.* Сочинения. М.: Таурис Альфа, 1997. С. 23.

²⁸ Хотя термин «новая институциональная экономика» был введен О. Уильямсоном еще в 1975 г. в работе «Рынки и иерархии» (*Williamson O. Markets and Hierarchies: Analysis and Antitrust Implications*. N.Y.: Free Press, 1975. P. 35–44), его самого по основным параметрам исследований скорее следует отнести к неоинституционалистам.

²⁹ См.: *Ходжсон Дж.* Жизнеспособность институциональной экономики // Эволюционная экономика на пороге XXI века: [Доклады и выступления участников международного симпозиума]. М.: Япония сегодня, 1997. С. 29–74.

неоклассическому мейнстриму. Эта современная институциональная экономика отвергает методы маржинального и равновесного анализа, беря на вооружение эволюционно-социологические методы. (Речь идет о таких направлениях, как концепции конвергенции, постиндустриального и постэкономического общества, экономика глобальных проблем.) Поэтому представители данных школ выбирают сферы анализа, выходящие за пределы рыночного хозяйства (проблемы творческого труда, преодоления частной собственности, ликвидации эксплуатации и т. д.)³⁰. Относительно обособленно в рамках данного направления стоит лишь французская экономика соглашений, пытающаяся подвести новую основу под неоинституциональную экономику и прежде всего под ее контрактную парадигму. Этой основой, с точки зрения представителей экономики соглашений, являются нормы.

Контрактная парадигма первого направления возникла благодаря исследованиям Дж. Коммонса. Однако в современном виде она получила несколько иную интерпретацию, отличную от первоначальной трактовки. Эта парадигма может реализовываться как извне, то есть через институциональную среду (выбор социальных, юридических и политических «правил игры»), так и изнутри, через отношения, лежащие в основе организаций³¹. В первом случае в качестве правил игры могут выступать конституционное право, имущественное право, административное право, различные законодательные акты и т. д., во втором — правила внутреннего распорядка самих организаций. В рамках этого направления теория прав собственности (Р. Коуз, А. Алчиан, Г. Демсец, Р. Познер и др.) изучает институциональную среду деятельности экономических организаций в частном секторе экономики, а теория общественного выбора (Дж. Бьюкенен, Г. Таллок, М. Олсон, Р. Толлисон и др.) — институциональную среду деятельности индивидов и организаций в общественном секторе. Если первое направление акцентирует внимание на выигрыше благосостояния, который удается получить благодаря четкой спецификации прав собственности, то второе — на потерях, связанных с деятельностью государства (экономика бюрократии, поиск политической ренты и т. д.).

Важно подчеркнуть, что под правами собственности понимается, прежде всего, система норм, регулирующих доступ к редким или ограниченным ресурсам. При таком подходе права собственности приобретают важное поведенческое значение, так как их можно уподобить своеобразным правилам игры, которые регулируют отношения между отдельными экономическими агентами.

В теории агентов (взаимоотношений «принципал—агент» /Дж. Стиглиц/) внимание концентрируется на предварительных условиях (побудительных мотивах) контрактов (*ex ante*), а теория трансакционных издержек (О. Уильямсон) — на уже реализованных

³⁰ См., например: *Иноземцев В.* За пределами экономического общества. М.: Academia — Наука, 1998.

³¹ В основу классификаций неоинституциональных теорий положен подход О. Уильямсона, сформулированный им в статье «Сравнение альтернативных подходов к анализу экономической организации» (См.: *Williamson O. E.* Comparison of Alternative Approaches to Economic Organization // *Journal of Institutional and Theoretical Economics.* 1990. Vol. 146, No 1).

соглашениях (*ex post*), порождающих различные управленческие структуры. Теория агентов рассматривает различные механизмы стимулирования деятельности подчиненных, а также организационные схемы, обеспечивающие оптимальное распределение риска между принципалом и агентом. Эти проблемы возникают в связи с отделением капитала-собственности от капитала-функции, то есть разделением собственности и контроля³². Современные исследователи (У. Меклинг, М. Дженсен, Ю. Фама и др.) изучают меры, необходимые для того, чтобы поведение агентов в наименьшей степени отклонялось от интересов принципалов. Причем если они пытаются предусмотреть эти проблемы заранее, еще при заключении контрактов (*ex ante*), то теория трансакционных издержек (С. Чен, Й. Барцель и др.) акцентирует внимание на поведении экономических агентов уже после того, как контракт заключен (*ex post*). Особое направление в рамках этой теории представляют работы О. Уильямсона, в центре внимания которого находится проблема структуры управления и регуляции (*governance structure*).

Конечно, различия между теориями довольно относительно, и часто можно наблюдать, как один и тот же ученый работает в разных областях неонституционализма. Особенно это касается таких конкретных направлений, как «право и экономика» (экономика права), экономика организаций, новая экономическая история и др.

Между американским и западно-европейским институционализмом существуют довольно глубокие различия. Американская традиция экономикса в целом далеко опережает европейский уровень, однако в сфере институциональных исследований европейцы оказались сильными конкурентами своих заокеанских коллег. Эти различия можно объяснить разницей национально-культурных традиций. Америка — страна «без истории», и потому для американского исследователя типичен подход с позиций абстрактного рационального индивида. Напротив, Западная Европа, колыбель современной культуры, принципиально отвергает крайнее противопоставление индивида и общества, сведение межличностных отношений только к рыночным сделкам³³. Поэтому американцы часто сильнее в использовании математического аппарата, но слабее в понимании роли традиций, культурных норм, ментальных стереотипов и т. д. — всего того, что как раз и составляет сильную сторону нового институционализма. Если представители американского неонституционализма рассматривают нормы прежде всего как результат выбора, то французские неонституционалисты — как предпосылку рационального поведения. Рациональность поэтому также раскрывается как норма поведения.

Таким образом, труды Торстейна Веблена не пропали даром и оказались весьма плодотворными. Более того, институциональную науку еще ждут новые открытия, методологические предпосылки которых были заложены в трудах основателя учения.

³² Эти проблемы поставлены еще в работах У. Берля и Г. Минза в 1930-х годах.

³³ Это хорошо видно из статей А. Олейника, Л. Тевено, Р. Кумахова, О. Фавро, Ф. Эмар-Дюверне, знакомящих российского читателя с различными направлениями современного французского институционализма. См.: Вопросы экономики. 1997. № 10. С. 58–116.